

Пряный аромат дорогих благовоний густой дымкой плыл по залу. Ночной ветер врывается в распахнутые окна, заставляя звенеть хрустальные занавеси. Они раскачивались, отбрасывая на стены и пол причудливые, ломаные тени.

Чжоу Цзэи едва заметно нахмурился. Его взгляд оставался холодным и отстраненным, а голос прозвучал ровно, без тени эмоций:

— Я, в отличие от вас, господа, не столь всеяден. Полагаю, вам пришлось бы по душе любая, даже самая неприглядная девица с растрепанными волосами и кривыми зубами, лишь бы она могла родить вам пятерых сыновей. Вы падки на женщин и неразборчивы в связях, в этом я вам не ровня.

Это была цитата из Оды о любителе женской красоты, призванная высмеять распушенность собеседников. Он намекал: этим двоим неважно, благородного ли происхождения женщина или дурна собой — лишь бы была женского пола.

Лица двух отпрысков знатных семейств вмиг переменились. Они побагровели, и на их лицах отчетливо проступило раздражение. Они уже собирались ответить колкостью на колкость, как вдруг тишину нарушил смех.

Се Синь трижды хлопнул в ладоши. Звонкий звук эхом разнесся по пустому залу.

— Ваше Высочество Хуай-ван красноречив и остр на язык, цитировать классиков для вас — сущий пустяк. Восхищен, — произнес он.

Казалось, он остался доволен резким ответом Хуай-вана, но что на самом деле скрывалось за его улыбчивыми глазами, в которых таилась опасная сталь, не мог понять никто.

Многие гости украдкой перевели взгляды на Гуансян-вана. Услышав похвалу чэнсяна в адрес своего двоюродного брата, тот даже бровью не повел. Он лишь приобнимал певицу, попивая вино, словно вовсе ничего не слышал.

Двое знатных юношей тоже посмотрели на него, словно ожидая знака: стоит ли продолжать донимать Чжоу Цзэи или лучше отступить? Однако Гуансян-ван был поглощен общением с танцовщицей и даже не взглянул в их сторону. Им не оставалось ничего иного, как стоять в полном замешательстве.

Се Синь, который до этого с интересом наблюдал за этой схваткой, вдруг утратил к ней всякий интерес. Он изогнул брови и с улыбкой спросил Линь Цзэ:

— Я уже спрашивал: какая красавица удостоится чести сегодня вечером снять с генерала его доспехи?

Он небрежно скользнул взглядом по сидевшей рядом с ним прелестной цитристке:

— Хоть она и не первая красавица в Поднебесной, но весьма недурна, сведуща в музыке, шахматах, каллиграфии и живописи, а также знает толк в любовных утехах и умеет доставлять мужчинам наслаждение.

Его улыбчивый взгляд стал властным, а тон не терпящим возражений:

— Ступай, сегодня ночью будешь прислуживать генералу Линь.

Ранее Линь Цэ обмолвился, что его доспехи покрыты крючьями и скрытыми шипами, а внутри спрятано оружие, так что неосторожное прикосновение может обернуться раной. Две танцовщицы, сидевшие с ним за одним столом, жались к самому краю, мечтая оказаться как можно дальше. И вот теперь, по приказу Се Синя, самая красивая цитристка должна была провести с ним ночь.

Девушка не посмела ослушаться, хотя ее кокетливая улыбка на мгновение застыла. Страх сковал ее сердце. Оказаться рядом с человеком в такой пугающей маске — это уже испытание, а уж если вспомнить слухи о том, что Великий генерал, подавляющий Север, убивает не моргнув глазом и в постели лишен всякой нежности, то к утру от нее могло ничего не остаться.

Цитристка на мгновение замешкалась. В глазах Се Синя на долю секунды блеснула сталь, а его аура стала такой ледяной, словно клинок, прорезающий плоть.

— Не нужно, — голос Линь Цэ прозвучал чисто и твердо, он холодно усмехнулся. — Честь делить ложе с человеком чэнсяна мне не по зубам. Столь редкую красавицу господину Се лучше оставить себе.

— Генерал считает ее недостаточно чистой? Можете не сомневаться, она из новой партии обученных в Музыкальном ведомстве, еще ни с кем не была.

— Раз так, я тем более не могу допустить, чтобы мои руки погубили такой цветок. К тому же, в мире много прекрасных цветов, и эта цитристка — не тот, что мне мил.

Линь Цэ сделал многозначительную паузу и с издевкой посмотрел на Чжоу Цзэи за соседним столом:

— Ходят слухи, что Великая княгиня Аньпин была первой красавицей Поднебесной. Мне не довелось ее увидеть, но... счастье лицезреть Ваше Высочество Хуай-вана отчасти восполняет эту утрату.

Последней фразой он, подобно тем двоим знатным юношам, втайне высмеял женственную внешность Чжоу Цзэи.

Чжоу Цзэи поднял глаза, равнодушно взглянул на него и промолчал. Его персиковые глаза, от природы влажные и сияющие, сейчас казались полными затаенной обиды. Гости вокруг притихли: никому больше не хотелось смеяться над ним вслед за генералом.

Линь Цэ раздраженно цыкнул. Поведение Чжоу Цзэи напомнило ему удар по вате — никакой отдачи, лишь глухое раздражение, которое только распаляло гнев.

Эта перепалка изрядно позабавила Се Синя, наблюдавшего за ними со стороны. Он не стал настаивать на том, чтобы цитристка прислуживала генералу. Девушка облегченно выдохнула и принялась усерднее ублажать Се Синя, однако во второй половине пира он больше не обращал на нее внимания. Он лишь молча пил вино, изредка бросая взгляды на Хуай-вана и на генерала Линь, при каждом жесте которого танцовщицы испуганно вздрагивали.

Похоже, приспешники Гуансян-вана не смогли взять верх над Хуай-ваном, и во второй половине вечера никто больше не решался на провокации. Гости пили и заигрывали с танцовщицами. Правый чэнсян, несмотря на свой высокий статус, был далек от святости и прекрасно понимал, чего жаждут молодые аристократы. Вскоре он объявил пир законченным.

Несколько юношей, не дожидаясь приглашения, подхватили танцовщиц и поспешили покинуть зал. Гости начали расходиться. Линь Цэ, глядя на двух застывших от страха девушек, усмехнулся. Он поднялся, не прощаясь с хозяином дома, и широким шагом вышел из зала.

Вслед за ним поднялся и Чжоу Цзэи. Он подошел к Се Синю и сложил руки в приветственном жесте. Се Синь ответил тем же и лениво произнес:

— Прошу простить, если прием был не столь радушен, Ваше Высочество.

После этой дежурной фразы он перестал обращать на него внимание — даже не удосужился распорядиться, чтобы слуги проводили гостя. Чжоу Цзэи, невозмутимый, как и прежде, уверенно вышел из зала.

Миновав павильон и ступив на каменную дорожку, утопавшую в тени бамбука, он вдруг остановился. В конце тропинки, в лунном свете, пробивающемся сквозь листву, стояла стройная фигура. Серебристый лунный свет ложился инеем на холодную сталь доспехов.

Они молча смотрели друг на друга. В саду стояла глубокая тишина, нарушаемая лишь шелестом бамбуковых листьев. Линь Цэ задержал на Чжоу Цзэи взгляд, а затем развернулся и вышел из Двора Зеленого Бамбука.

Карета Резиденции генерала ждала на прежнем месте. Чжуйсин, сидевший на козлах, при виде Линь Цэ спрыгнул вниз и окинул его внимательным взглядом.

— Чего уставился? — спросил Линь Цэ, и его глаза за маской чуть сузились.

— Генерал там развлекался, а мы тут на холодном ветру мерзли, — подшутил один из стражников.

— Завидуешь? — усмехнулся Линь Цэ. — Тогда вперед, найдите себе местечко и развлекайтесь, сколько душе угодно.

Солдаты притихли. Болтать — одно, а идти в бордель — на такое у них не хватило бы духу. Стражник смущенно замолчал.

Линь Цэ сел в карету. Когда стражник собрался трогаться, он остановил его:

— Ждем еще одного.

— Кого? — удивился Чжуйсин.

Не успел он спросить, как подошел Чжоу Цзэи и, приподняв бамбуковую занавеску, вошел внутрь. Линь Цэ сделал вид, что не замечает его, но и выгонять не стал.

— Поехали, — скомандовал он.

Карета быстро покинула кварталы красных фонарей. Ночь была в самом разгаре, улицы опустели, шум затих. По обе стороны тянулись глухие стены, больше не освещенные красными фонарями — лишь бледный лунный свет очерчивал их длинные контуры. В карете, где изначально сидели люди генерала, теперь появился чужак, и воцарилась гнетущая, странная тишина.

Проехав несколько ли, Линь Цэ вдруг велел остановиться. Кучер, не понимая причины, придержал коней у обочины. До резиденции было еще далеко, вокруг ни души, лишь залитая лунным светом пустота.

— Мне нужно поговорить с Хуай-ваном, — сказал Линь Цэ, выходя из кареты. — Уезжайте, я дойду пешком.

— Генерал, вы один, а вдруг... — заволновался Чжуйсин.

— Не бойся, убийц нет, — усмехнулся Линь Цэ. — Это столица, как сюда проберутся лазутчики Бэйянь? А если и проберутся — выманить их будет большой заслугой.

Стражники понимали важность дела и, не смея подслушивать, поспешили уехать. Чжуйсин, нахмурившись, оглянулся напоследок, а когда фигуры двух мужчин скрылись в ночи, тихо бросил остальным:

— Возвращайтесь.

Сказав это, он прыгнул и в мгновение ока растворился в темноте. Стражники, зная о его мастерстве, не стали возражать и продолжили путь. Стук копыт вскоре затих в ночи.

Линь Цэ и Чжоу Цзэи медленно шли под одинокой луной, держась на небольшом расстоянии друг от друга. Долгое время никто не произносил ни слова. Атмосфера была тяжелее ночного мрака.

Линь Цэ, не выдержав, раздраженно бросил:

— Я сдерживался, чтобы не наговорить лишнего этому Се, а ты постарайся не испортить всё своей невыдержанностью. Если из-за того, что ты поссоришься с ним, тебе не видать трона, не вини потом меня.

Чжоу Цзэи опустил глаза и промолчал. Его холодность и безразличие, смешанные с тем, как он стоически переносил обиды, снова вывели Линь Цэ из себя.

— У тебя хоть есть план, как прибрать этого Се к рукам? — рявкнул он.

Се Синь пригласил их обоих, чтобы оценить их знания, характер и умение держать удар. Линь Цэ думал, что Се Синь в сговоре с Чжоу Ханем и поддерживает его, но за весь вечер не заметил ни малейшего предпочтения. Ему было наплевать на них обоих. Он просто хотел стравить их, наблюдая за схваткой со стороны.

Чжоу Цзэи покачал головой:

— Се Синя крайне трудно подчинить.

— Чушь, — холодно отрезал Линь Цэ. — Род Се — могущественный клан, даже ваш род Чжоу и род Доу опасаются их.

Когда Поместье Увековечивающего Государство Хоу было на пике могущества и в руках его главы была печать, управляющая миллионной армией Наньчжао, они и то не посмели тронуть Се из Наньтяна.

Через несколько лет после восшествия на престол Императора Сюаньу, он призвал на службу молодого таланта Се Синя, сделав его правым чэнсяном. Двор укрепился, народ зажил благополучно, но власть Се Синя начала стремительно расти. Позже, когда левый чэнсян увлекся алхимией и отошел от дел, правый чэнсян сосредоточил в своих руках всю полноту власти. Если бы не Нин Юэчжи, воспитанник вдовствующей императрицы, обладавший острым умом и контролировавший внутренний двор, сдерживать Се Синя было бы вовсе некому. Теперь, после смерти Императора Сюаньу, в столице не осталось никого, кто мог бы бросить

ему вызов.

<http://bllate.org/book/20257/2020370>